

Глава 14

ЧТО НУЖНО ИРАНУ, ЧТО ДЕЛАТЬ РОССИИ (2012)¹

Владимир Орлов²

Посетив за последние месяцы регион Ближнего Востока, Вашингтон, а теперь и столицу Европы, я пытаюсь ответить на следующие вопросы: «Кто хочет войны с Ираном?» и «Будет ли война с Ираном?».

Мой первый вывод: мало кто в мире хочет войны против Ирана, а если вынести за скобки Эр-Рияд, то, может быть, и никто не хочет. Даже в Израиле премьер-министр Беньямин Нетаньяху остается в меньшинстве. Никто не готов к войне, одни по причинам экономическим, другие – внутриполитическим.

Мой второй вывод: нарастание турбулентности вокруг Ирана скоро достигнет той точки, когда мир соскользнет к войне. В чем причина? В климате тотального недоверия: США – к Ирану, Ирана – к США, Саудовской Аравии – к Ирану; Ирана – к Саудовской Аравии; ЕС – к Ирану, Ирана – к ЕС; даже и России – к Ирану, а Ирана – к России.

Климат тотального недоверия заставит инстинктивно спустить курок, когда тот, кто, напротив, всего-то полез в карман... А ведь у него могло и не быть там никакого ствола. В этой ситуации экспертам в Москве следует ответить на три вопроса. Первый: «Чего хочет Иран?». Второй: «Есть ли решение у иранского ядерного вопроса?». Третий: «Как вести себя России?».

Чего хочет Иран

У нынешнего руководства Ирана имеется четыре круга ключевых и связанных между собой стратегических задач, которые оно последовательно решает или пытается решить.

¹ Впервые опубликовано: Орлов В. Что нужно Ирану. Что делать России // *Russia Confidential*. 2012. № 2 (2). 8 с. См. текст в оригинальной версии здесь: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/10/Russia-Confidential-N2-2012-RUS.pdf>

² Владимир Андреевич Орлов (род. 4 октября 1968 г.) – директор и основатель ПИР-Центра.

Первый круг связан с внутриполитической устойчивостью. До последнего времени Иран оставался одним из наиболее демократических государств Ближнего Востока. Парламентские и президентские выборы в сочетании со сложной многоуровневой системой принятия решений делают систему потенциально уязвимой. Иранское руководство уже прошло первый тест на уязвимость, когда малочисленная, но шумная оппозиция пыталась перехватить инициативу. Сегодня возможности оппозиции минимизированы. Но иранский режим крайне болезненно реагирует на «подкармливание» оппозиции извне. В этой связи у иранского руководства нет никаких причин начинать широкий диалог с Соединенными Штатами, поскольку те своей конечной целью (по крайней мере, как это видится в Тегеране) ставят демонтаж правящего режима, а раскручивание ядерного вопроса – это лишь метод для смены власти. Это не паранойя мулл. У Ирана есть реальные основания для опасений. Этому их учит история: от свержения Мосаддыка до поддержки шаха. Такая ли уж разница для Ирана, кто сейчас правит в Белом доме?

Второй круг связан с технологическим прогрессом и самодостаточностью. Иран хочет играть первую скрипку в мировых делах XXI века, а для этого считает принципиально важным обладать собственными передовыми технологиями, так как только они обеспечат независимость, самодостаточность и свободу рук (еще один исторический урок, который иранцы хорошо усвоили). Иран трудно входит в мир передовых ядерных, ракетно-космических и биотехнологий. При всех консолидирующих нацию технологических прорывах самостоятельная работа дается Ирану куда более тяжело, чем его руководители готовы признать. Скачок в ядерной области (достигнутый отчасти благодаря плохим пакистанским технологиям) сменяется мучениями и стагнацией. Отчасти, ограничителем становится вынужденная самодостаточность в результате санкций. Иранцам уже не хватает собственных знаний. В отличие от Кубы, которая когда-то, будучи зажата в блокаде, подняла на мировой уровень свои биотехнологии и медицину, впитывая помощь Советского Союза, пока не обогнала его, Ирану не удастся положиться здесь ни на кого. Бушерская атомная электростанция (АЭС) – одно из считанных исключений.

Третий круг связан с обеспечением внешней безопасности и минимизацией риска вооруженных конфликтов по периметру

границ и извне. Минимизация риска вооруженных конфликтов – это третий исторический урок, который выучил Тегеран, испытав на своей шкуре, что значит, когда врагу-соседу (саддамовскому Ираку) помогали все, а ему, Ирану, никто. Именно тогда, в середине 1980-х гг., когда Ирак безнаказанно применял оружие массового уничтожения (ОМУ) – химическое – против Ирана, в глубинах иранского военно-политического руководства и возникла мысль о разработке собственного ядерного оружия.

Проблему с Ираком Иран, парадоксальным образом, решил благодаря американцам. Теперь их отношения вполне добрососедские, и ОМУ-аргументов не требуют. Но иранская дипломатия не смогла наладить столь же добрососедские отношения со всеми странами Персидского залива (возможно, за исключением Омана и Дубая из ОАЭ). Впрочем, по мнению иранцев, их главный сосед сегодня – Соединенные Штаты, представленные флотом и военными базами, не говоря уже о войсках в Афганистане и беспилотниках в Пакистане. То есть для Тегерана решение вопросов внешней безопасности жестко завязано на отношения с Вашингтоном.

Четвертый круг задач связан с экспансией своего влияния в регионе, утверждением в качестве региональной сверхдержавы и магнита притяжения для всех мусульман Ближнего Востока, вне зависимости от того, сунниты они или шииты. Так как весь регион находится в брожении, рано делать заключения, проиграл Иран в результате так называемой арабской весны начала 2010-х гг. или выиграл. Пока иранский выигрыш, о котором любят многозначительно поговорить в Тегеране, представляется эфемерным. Каирская улица, еще недавно, при Мубараке, завистливо глядевшая в сторону Тегерана и ему внимавшая, несмотря на религиозные различия, сегодня увлечена собственным национальным строительством. Влияние Ирана на арабские государства Ближнего Востока присутствует, но оно гораздо скромнее турецкого. И проецирование будущего влияния Тегерану удастся куда хуже, чем Турции. Выпадение асатовской Сирии из зоны иранского влияния внешнеполитической катастрофой для Тегерана не будет, но болезненным ударом, конечно, станет. Иранское руководство предпочитает делать хорошую мину при скверной игре.

Решение иранского ядерного вопроса

Широкое, без пререканий сотрудничество Ирана с Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ)

Иран время от времени делает полушаги (в августе прошлого года, в январе нынешнего). Это шаги в правильном направлении, но их недостаточно для того, чтобы все мировое сообщество, включая Россию, смогло убедиться, что все иранские прегрешения остались в прошлом. Иран должен ратифицировать Дополнительный протокол, а до этого добровольно пойти на исполнение его положений, как если бы он был ратифицирован. Частично и выборочно иранцы, кстати, так и действуют, теперь надо уйти от выборочности.

Иранские коллеги и публично, и особенно в частных разговорах сетуют на то, что МАГАТЭ раздевает их перед американской и британской разведкой и что в конечном итоге все данные сливаются Израилю. Это Тегеран унижает. Но, помимо эмоционального негатива, речь ведь идет еще и о том, что в условиях, когда Израиль прямо заявляет о вероятности ударов по иранским ядерным объектам, иранцам просто опасно вот так раздеваться. Многие упрекают Иран в том, что он сначала строит ядерные объекты, а лишь потом сообщает о них в МАГАТЭ. Но, мне кажется, можно понять, почему Иран так делает. Можно ли выйти из этого противоречия? Да. И Россия может сыграть здесь ведущую роль.

Снятие требований к Ирану отказаться от обогащения урана

Добиваться от Ирана отказа от обогащения урана – нереалистично, да и не нужно. Если Тегеран не нарушает своих обязательств по Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) (а в этом остаются сомнения, как минимум в исторической части), то не следует добиваться от него того, что не является и не будет в обозримой перспективе международной нормой. Экономически Иран может действовать не вполне разумно, но политически его стремление к самодостаточности не уважить нельзя. На это мне указывают многие коллеги из развивающихся государств, прежде всего, из Египта. Самоограничения в части отказа от уранового обогащения были бы, с моей точки зрения, правильным и важным шагом, но они могут быть только добровольными.

Резолюция Совета Безопасности ООН о недопустимости применения силы или угрозы применения силы (включая и кибератаки) против любых атомных объектов Ближнего Востока, находящихся под гарантиями МАГАТЭ либо продемонстрированных инспекторам МАГАТЭ по их запросу, как построенных, так и находящихся в процессе строительства, а также против персонала этих объектов

Такая резолюция должна быть принята до начала работы международной Конференции по вопросам зоны, свободной от ОМУ, (ЗСОМУ) на Ближнем Востоке, которая запланирована на конец 2012 г. в Хельсинки. Иначе участие Ирана в этой важной конференции окажется под вопросом. В самом деле, нормальна ли ситуация, когда твоя ядерная промышленность, твои ученые находятся под постоянным прицелом и угрозой атаки, а тебя как ни в чем не бывало приглашают за стол переговоров.

Добровольное решение Ирана о временном замораживании уровня обогащения урана, а также замораживании на нынешнем уровне количества центрифуг, отказ от введения в каскады новых центрифуг, создания новых каскадов, запуска вращающихся (но пока без газа) центрифуг

О важности подобного шага говорил, в частности, заместитель министра иностранных дел России Сергей Рябков, когда встречался с членами Международного клуба *Триалог* под эгидой ПИР-Центра. Такой шаг станет мерой укрепления доверия, но не юридически обязывающей нормой.

Решение Совета Безопасности ООН о временном приостановлении действия санкций в отношении Ирана

Приостановление санкций возможно при условии удовлетворительного сотрудничества между Ираном и МАГАТЭ (такой подход предлагают сейчас некоторые европейские эксперты); а при закрытии вопросов «иранского файла» МАГАТЭ – вероятно и полная отмена санкций.

Формирование климата доверия в регионе в вопросах ядерной безопасности

Коллеги из Кувейта, других государств Персидского залива высказывали мне опасения по поводу надежности и безопасности Бушерской АЭС, построенной при участии России. Они предлагают провести стресс-тесты станции с участием наблюдателей из заинтересованных сопредельных государств. Ирану и России следует ответить на такие запросы позитивно и доброжелательно.

Начало регионального диалога по всему комплексу ядерных вопросов

Необходим диалог по комплексу вопросов от формирования зоны, свободной от ядерного и других видов ОМУ на Ближнем Востоке (с участием всех арабских государств, Ирана и Израиля) до формирования ближневосточного МАГАТЭ по примеру Евратома. Увертюрой этого процесса имеет шанс стать конференция по ЗСОМУ в Хельсинки – конечно, если ее рассматривать не как единовременное собрание, но как начало долгого процесса восстановления доверия, открытости и диалога.

Не надо мешать Ирану развивать ядерную энергетику. Тегеран все равно замкнет ядерный топливный цикл (ЯТЦ), даже после израильских бомбардировок. Только после бомбардировок он наверняка проведет корректировку своей стратегической калькуляции. Надо учесть и попытаться научиться уважать стратегические задачи Ирана: три из четырех не создают проблем ни для региона, ни для международного сообщества в целом. Если стратегические задачи Ирана хотя бы отчасти будут учтены и уважены, у Тегерана не будет мотивации переключать свой ЯТЦ на военные рельсы. А жить с иранским ЯТЦ всем его соседям – включая и Россию – нужно будет просто привыкнуть – ведь живем же мы по соседству с японским ЯТЦ, при этом некоторые – даже не имея мирного договора.

Как вести себя России

А чем для России плох Иран с ядерным оружием? С одной стороны, может показаться, что Иран, создав он ядерное оружие, интересам России действительно не угрожает. Да, иранские

ракеты не долетят до Парижа, зато долетят до Сочи. Но не на Сочи же они будут нацелены. Далее, на Ближнем Востоке установится система регионального сдерживания по линии Израиль – Иран. Сдерживание работало в самые худшие дни холодной войны в отношениях между СССР и США; работает между Индией и Пакистаном; будет работать и на Ближнем Востоке, может быть, даже облегчит путь Израилю и Ирану к взаимным договоренностям по контролю над вооружениями (что сегодня немислимо). Наконец, последние пять лет Россия живет бок о бок с ядерной КНДР – сначала было как-то некомфортно (особенно Приморью, где пришлось вспомнить про учения гражданской обороны), но теперь уже привычно. А ведь уровень ответственности Тегерана будет, безусловно, выше, чем северокорейского режима, и никаким другим игрокам (в отличие от безответственного, нестабильного Пакистана) Иран свои ядерные знания и технологии продавать не будет.

Но я придерживаюсь иного взгляда. Появление у Ирана ядерного оружия взорвет ДНЯО, который, по моему глубокому убеждению, продолжает оставаться краеугольным камнем международной безопасности. Благодаря ДНЯО Москва имеет исключительное положение в качестве члена ядерной пятерки.

Я не разделяю мнения тех экспертов, которые предвидят, будто, в случае появления в Иране ядерного оружия, его вскоре создадут Саудовская Аравия или Турция. Проблема будет хуже: сам ДНЯО обесценится и перестанет существовать. И дело не в том, что за Ираном непременно последует Саудовская Аравия, но в том, что в ядерных вопросах по всему миру воцарится хаос. А вот это – против жизненных интересов России.

В условиях нагнетания турбулентности России следовало бы подумать не только о том, что все возможные санкции по пресечению доступа Тегерана к ядерным и ракетным технологиям уже приняты и действуют, но и о том, на пользу ли все эти санкции в нынешних конкретных условиях. Ни США, ни Евросоюз не вняли настоятельным пожеланиям России не вводить санкции вне Совета Безопасности ООН. Их право. Право России – пересмотреть свой подход к ныне действующим санкциям Совета Безопасности ООН и, если окажется, что часть из них исчерпала себя, действовать в Совете Безопасности ООН соответственно.

К слову, в свое время в Нью-Йорке санкции прописывались таким образом, что не затрагивали права России на поставки Ирану оборонительных комплексов, в частности С-300 или С-400. Президент Д.А. Медведев³ своим указом решил, что Россия должна воздержаться от таких поставок, что и было сделано. В условиях, когда Ирану прямо угрожают ракетными ударами, не пришло ли время такие поставки осуществить, да и вообще помочь Тегерану укрепить обороноспособность (при условии, что эти поставки не будут передаваться третьей стороне)?

В свое время Россия уклонилась от заявки Ирана на вступление в ШОС; причем было принято решение, не позволяющее принимать в эту организацию государства, находящиеся под санкциями Совета Безопасности ООН. Эту временную норму можно было бы пересмотреть. У России, как и у других действующих членов ШОС, есть много общих тем с Ираном: это и энергетическая безопасность, и борьба с наркотрафиком, и стабилизация ситуации в Афганистане после ухода оттуда НАТО. Конечно, прежде чем инициировать этот процесс, России следовало бы понять настроение Ирана по ряду нерешенных двусторонних экономических вопросов, в частности, по Каспию.

Наконец, российским экспертам, как неправительственным, так и правительственным, стоило бы собраться вместе, чтобы – пока неформально – обсудить вопрос, а не устарел ли механизм «шестерки»⁴, в рамках которого сейчас в основном обсуждается иранская ядерная программа, да и другие вопросы по Ирану. Ведь даже от американских партнеров часто приходится слышать: «Давайте решать этот вопрос (по Ирану) без участия европейцев, от них проку мало, и они ни на что не влияют». Так что с американцами Россия могла бы продолжать обмена по двусторонней линии, как это сейчас успешно и делается.

Многосторонний подход к решению иранского ядерного вопроса важен. Сейчас он более важен, чем когда-либо. Нельзя забывать, что в мире есть ведь и другие силы, у которых много конструктивных идей и которые могут быть лучше услышаны в Тегеране. К примеру, в переговорах с Ираном вместо шестерки можно было бы использовать уже имеющийся формат БРИКС.

³ Президент Российской Федерации в 2008–2012 гг. – *Прим. ред.*

⁴ «Шестерка» стран-участниц переговоров по иранской ядерной программе включала Россию, США, Великобританию, Китай, Францию и Германию. – *Прим. ред.*

Здесь, помимо России, присутствуют представленный, как и она, в шестерке, Китай, ранее участвовавшая в диалоге с Ираном Бразилия (если бразильский президент Дилма Русеф не утратила интерес к этой теме окончательно), и поддерживающая плотный диалог с Ираном Южная Африка. Индия в последнее время является оппонентом Ирана, но в этом качестве она и может быть полезна – особенно учитывая ее близкие связи с США в сочетании с традиционно взвешенной линией в международных делах. Москве следует плотнее, чем сейчас, вести двусторонний диалог с Пекином по иранской проблематике.

Не исключаю, что более продуктивной, чем БРИКС, могла бы стать группа по диалогу с Ираном, которую создали бы Россия и Турция. В нее могли бы войти те же Бразилия, Южная Африка, а также такие авторитетные (в мире и в Иране) игроки в вопросах ядерного нераспространения, такие как Казахстан, Индонезия, а также (но здесь вопрос) Египет.

Конечно, надо быть реалистами и отдавать себе отчет в том, что такая группа не принесет Ирану на блюдечке главное, что нужно сейчас Тегерану: гарантии безопасности со стороны Вашингтона (включая отказ от применения силы и вмешательства во внутренние дела). Однако при активном участии России она могла бы предоставить, как минимум, эффективное обеспечение первого, самого срочного шага по решению иранского ядерного вопроса – прозрачности ядерной программы, уверенности, что в сегодняшнем виде она не направлена на оружейные цели, и при этом уважительного отношения к той информации, которая будет получена от Ирана в рамках такого прозрачного подхода. Каждая из названных стран имеет авторитетных технических экспертов, которые могли бы получить беспрецедентный доступ к объектам ядерной инфраструктуры Ирана – даже тем, прежде всего строящимся, которые Иран никому показывать не обязан. Ни в коей мере не замена МАГАТЭ, но подспорье для МАГАТЭ на тот переходный период, пока доверие полностью не восстановлено, – так я вижу работу группы экспертов.

Если говорить цинично, Россию могла бы устраивать нынешняя ситуация вокруг Ирана – ни мира, ни войны. Но это только если знать, что у всех игроков стальные нервы, и никто не сорвется.

Сегодня есть противоположное ощущение. Один удар по Араку или применение новых типов глубоко проникающего высокоточного оружия в районе Кума, – и следующим шагом

Иран... нет, не обязательно бьет по Тель-Авиву или высаживается на Бахрейне. И даже не перекрывает Ормузский пролив. Он выходит из ДНЯО. Из договора, который его не защитил. Ответственность за этот сценарий будет лежать и на России – одном из трех депозитариев-хранителей ДНЯО. Соскальзывание ситуации к войне ли, к эскалации напряженности вокруг Ирана не отвечает интересам России. Поэтому России важно не самоустраняться, но продолжать предотвращать силовой сценарий, насколько это в ее силах, играя ответственно и – главное – не по чужим нотам.